

ИСТОРИЯ

УДК 930:355/359.07

P.C. Авилов

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ПЛАНОВ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1896–1900 гг. ЧАСТЬ 1. ПОСЛЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1894–1895 гг.

На материалах ГАРФ, РГВИА и ОР РГБ исследуется история разработки и обсуждения планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Изучена дискуссия командования Приамурского военного округа с Главным штабом Военного министерства и лично с военным министром А.Н. Куропаткиным. Рассмотрены деятельность Окружного штаба по разработке планов развертывания и сосредоточения войск Приамурского военного округа, в случае начала войны в регионе, процесс составления в округе нового мобилизационного расписания. Установлено, что Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков докладывал военному министру о японской угрозе еще в 1899 г. и эти данные были доложены императору Николаю II.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; Японо-китайская война 1894–1895 гг.; Китайский поход 1900–1901 гг.; Владивостокская крепость; Н.И. Гродеков; А.Н. Куропаткин; В.В. Сахаров; мобилизационная готовность.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. стала важнейшей вехой в истории Дальнего Востока. Победа сравнительно молодой, но хорошо обученной японской армии над войсками слабеющего Китая кардинально изменила военно-стратегическую ситуацию в регионе – стало очевидно, что на международной арене появился новый, достаточно сильный игрок, обладавший не только имперскими амбициями, но и значительной военной мощью для их удовлетворения. Вмешательство Российской империи, вместе с Францией и Германией, в ход Симонесекских мирных переговоров между Японией и Китаем, сопровождаемое открытым военным давлением (мобилизация Приамурского военного округа весной 1895 г.¹, сосредоточение русской эскадры в г. Чифу) привело к отказу Японии от ряда первоначальных требований, возвращению Ляодунского полуострова с Порт-Артуром (в настоящее время г. Люйшунь в КНР) обратно Китаю и потере Страной восходящего солнца лица на международной арене [1. Л. 10 об.–11, 20 об.; 2. Р. 44–47; 3. С. 191–210; 4. Р. 247–293; 5. С. 38–61; 6. С. 93–101; 7. С. 98–107].

Для Командующего войсками Приамурского военного округа и наиболее образованной части офицеров Окружного штаба уже тогда было очевидно, что в результате именно Япония стала новым наиболее вероятным военным противником России на Дальнем Востоке, к столкновению с которым следовало серьезно подготовиться. Округ нуждался в усилении войск, развитии военно-транспортной инфраструктуры и разработке новых планов, рассчитанных на войну с Японией, а не только с Китаем или Британской империей. Ряд мер в этом направлении действительно был предпринят, однако история их до сих пор остается практически не изученной – они оказались в тени более поздних и более ярких событий: Китайского похода 1900–1901 гг., русско-японского соперничества в Маньчжурии и Корее в 1900–1904 гг., проблемы вывода русских войск из Маньчжурии и подготовки двух стран к Русско-

японской войне 1904–1905 гг., на изучении которых и оказалось сосредоточенным основное внимание исследователей, в том числе современных (см., например: [3; 8–10; 11; 12. С. 195–383]). В результате меры по обеспечению безопасности российского Дальнего Востока, предпринятые с 1896 г. по весну 1900 г., оказались практически не изученными. Так, проблема разработки российской стороной военных планов на случай столкновения с Японией в указанный период последний раз всерьез поднималась более 100 лет назад полковником П.Н. Симанским, сотрудником военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг. [13. Т. 1. С. 176–189]. Этот пробел в историографии и призвана восполнить данная статья.

Первые два года после окончания мобилизации войск Приамурского военного округа весной 1895 г. никаких новых планов сосредоточения войск в Окружном штабе не разрабатывалось. Причина состояла в том, что план сосредоточения войск на случай войны с Японией на территории Китая и непосредственно Приамурского военного округа был разработан еще перед мобилизацией 1895 г. [6. С. 93–101; 7. С. 98–107], и в каких-либо существенных коррективах не нуждался по причине отсутствия заметных изменений в силе группировки русских войск в регионе. Динамика роста штатного состава нижних чинов на Дальнем Востоке (т.е. в Приамурском военном округе и с 1898 г. – в Квантунской области) выглядит следующим образом (показатели приведены по данным на 1 января каждого года): в 1895 г. – 32,1 тыс. чел. (вопрос по сравнению с предыдущим годом на 2,1 тыс. нижних чинов, т.е. 7%), 1896 г. – 38,2 (6,1 тыс., 19,1%), 1897 г. – 44,8 (6,6 тыс., 17,4%), 1898 г. – 48,3 (3,5 тыс., 7,8%), 1899 г. – 61,3 (13,0 тыс., 29,2%), 1900 г. – 64,0 (2,7 тыс., 4,5%), 1901 г. – 82,0 (18,0 тыс., 28,1%), 1902 г. – 80,9 тыс. чел. (1,1 тыс., 1,4%) [14. Л. 1 об.; 15. С. 41–42]. Решение же вопроса о возможности ведения боевых действий с японской армией на территории Кореи требовало предварительно мас-

штабного изучения этого, практически неизвестного Окружному штабу театра военных действий (ТВД). Последнее и было активизировано в 1896–1897 гг. посредством отправки в королевство различных рекогносцировочных партий.

Уже в 1895 г. в эту страну было командировано несколько офицеров Генерального штаба «с целью развить возможно шире знакомство наше с положением дел в Корее, исследовать, по возможности, все важнейшие пути в этой стране и освежить данные, собранные прежними исследователями» [16. С. 1]. С 11 августа 1895 г. по 10 марта 1896 г. в Корее работал Генерального штаба капитан И.И. Стрельбицкий, с 14 октября 1895 г. по 21 апреля 1896 г. – Генерального штаба капитан М.А. Соковнин, с 29 ноября 1895 г. по 13 марта 1896 г. – Генерального штаба полковник В.П. Карнеев, с 30 ноября 1895 г. по 17 марта 1896 г. – подполковник В.А. Альфтан, с 10 мая по 20 октября 1896 г. – Генерального штаба капитан С.П. Илинский, и с 1 августа по 20 декабря 1896 г. – капитан А.Г. Лубенцов. В результате эти 6 экспедиций прошли 10 089 верст, сняли 5 178 верст (в масштабе 1,2, 2 ½, 3, 5 и 20 верст в дюйме) и собрали данные о северной части Кореи и путях от Фусана (в настоящее время г. Пусан в Республике Корея) к Сеулу и от Сеула к Гензану (в настоящее время город и порт Вонсан в КНДР) и Ычжу (в настоящее время населенный пункт Ыйджу в КНДР). Осенью 1898 г. северную часть Кореи прошла экспедиция ротмистра А.И. Звегинцова и Генерального штаба подполковника барона Н.А. Корфа. Осенью 1898 г. – зимой 1899 г. северную часть Кореи прошла туда и обратно экспедиция Генерального штаба подполковника В.А. Орановского, сумевшая пройти от урочища Новокиевского (в настоящее время пос. Краскино на территории Приморского края, РФ) через север Корейского полуострова и далее по территории Китая до Порт-Артура и вернуться обратно [13. Т. 1. С. 160, 766; 16. С. 1, 4–160; 17. С. 13–14, 95, 125, 222–223, 229–230; 18. С. 1–96; 19].

Однако в связи с необходимостью включения в систему обороны дальневосточных территорий Российской империи, взятых в аренду на 25 лет Порт-Артура, Квантунского полуострова и началом работ по строительству ЮМЖД [13. Т. 8, ч. 1. С. 37–38; 19. С. 1; 20. С. 331–337] ко второй половине 1898 г. планы сосредоточения войск образца весны 1895 г. уже безнадежно устарели и совершенно не годились для сложившихся условий. К этому времени в Окружном штабе были получены первые свежие сведения о состоянии Корейского полуострова в военном отношении, что дало возможность постепенно приступить к разработке нового плана сосредоточения войск на случай войны с Японией.

Работы велись постепенно, и их результаты отправлялись в Военное министерство по мере готовности. Особенностью процесса было то, что наработанные выкладки посыпались не в качестве отдельных документов, а каждый раз включались (за редким исключением) в состав документов общего характера, посвященных вопросам необходимости усиления группировки русских войск в регионе.

Первое и основное, что было осознано и закреплено в «руководящих положениях по подготовке Приамурского военного округа к войне» еще осенью 1898 г., – это что задача войскам округа должна быть поставлена «исключительно оборонительного характера, состоящая в сосредоточении всех сил к угрожаемым пунктам, дабы затянуть оборону их до крайнего предела, замедлить развитие успехов неприятельского оружия до прибытия главных резервов, направляемых из России» (цит. по: [13. Т. 1. С. 177, 771]). Войск не хватало катастрофически, в связи с чем от разбрасывания сил было решено отказаться, положив в основу концепции обороны дальневосточных территорий защиту только тех главнейших пунктов, с потерей которых, во-первых, коренным образом ухудшалось военно-стратегическое и внешнеполитическое положение России в регионе, и, во-вторых, которые хотя бы теоретически представлялось возможным удерживать до прибытия подкреплений. Такими пунктами признали, первостепенной важности, Владивостокскую крепость и Порт-Артур, который тогда еще не был укреплен, а также менее важными – среднее течение р. Сунгари (река в Северо-Восточном Китае, правый приток р. Амур; находится на территории нынешних провинций Цзилинь и Хейлунцзян КНР) и устье р. Амур. Причем последнее – «дабы не дать противнику даже нравственного перевеса в борьбе с нами». Именно к этим точкам Командующий войсками округа генерал-лейтенант Н.И. Гродеков предлагал стягивать прибывающие из Сибири подкрепления, чтобы иметь возможность, опираясь на них, вести операции как в направлении: на Ляодунский полуостров или Корею, так и на Южно-Уссурийский край, если бы расположенным на его территории войскам понадобилась помочь (цит. по: [13. Т. 1. С. 177, 771]).

Эти соображения легли в основу разработанного в конце 1898 г. в штабе Приамурского военного округа плана, который затем дополнялся и совершенствовался весной–летом 1899 г. [13. Т. 1. С. 177]. Основные его положения в отношении войск Южно-Уссурийского отдела были сформулированы к 28 ноября 1898 г., сведены с очередными предложениями по усилению войск округа и Владивостокской крепости в единый документ и отправлены в Главный штаб [21. Л. 38–43; 22. Л. 42 об.–61].

Начало документа было у Н.И. Гродекова достаточно красноречивым: «Не вполне обеспеченное положение главного нашего пункта на берегу Тихого океана – крепости Владивосток, вследствие малочисленности гарнизона, не имеющего всех необходимых средств для упорной обороны без подпитки извне, заставило меня ввести в мобилизационный план этого года ускоренную мобилизацию для некоторых частей войск ВЫСОЧАЙШЕ вверенного мне Округа» [21. Л. 38]. Сама крепость тогда еще была укреплена крайне слабо [7. С. 107–146, 155–159], но даже при существовавшей длине оборонительного обвода в 50 верст, имевшегося гарнизона в 7 батальонов для ее защиты было явно недостаточно. Нормальная мобилизация не давала возможности быстро прийти им на выручку. Ближайшие к Владивостоку пехотные части,

дислоцировавшиеся в гарнизонах с. Раздольное (1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк), г. Никольск-Уссурийский (в настоящее время г. Уссурийск на территории Приморского края, РФ) (2, 3 и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые полки) и урочище Барабаш (8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк) при нормальной мобилизации, согласно мобилизационному расписанию № 17 (в Приамурском военном округе его эквивалентом было мобилизационное расписание № 3), могли прибыть во Владивосток только через 9, 11 и 12 дней соответственно [21. Л. 38]. Другим аргументом в пользу введения ускоренной мобилизации крепости и ближайших к ее району войск, «стала оценка сил и средств нашего вероятного противника на Дальнем Востоке – Японии», а также проявленной ей в последнее время активности. И то и другое вызывало у командования Приамурского военного округа заметное беспокойство.

В документе отмечалось: «По сведениям, имеющимся в Округе, Япония, в сравнительно весьма короткий срок, может мобилизовать, сосредоточить и выбросить на берега залива Петра Великого десант в 4–5 дивизий. Если же Япония станет мобилизоваться исподволь, и исподволь же сосредотачивать войска к пунктам посадки, то появление десанта под стенами Владивостока может случиться почти внезапно. Такой план нельзя считать невыполнимым, приняв в расчет значительное превосходство в силах Японии, громадные транспортные средства и выгодность географического положения ея владений, отстоящих всего на расстоянии 48 часов хода от Владивостока. С другой стороны Японии не может не быть известным, что мы во Владивостоке не имеем, за исключением Скрыплевского маяка, никаких средств для заблаговременного извещения о прибытии неприятельского флота; на содействие же обороне Владивостока со стороны нашего флота, казалось бы, возможно рассчитывать только при исключительных обстоятельствах.

Тревожные сведения, получавшиеся из Японии в начале текущего года, по-видимому, вполне подтверждали приведенные соображения. С конца Января и в течение всего Февраля месяцев, стали поступать от агентов и коммерческих людей и проникать в печать сведения об усиленной деятельности в Японской армии и ея арсеналах, о заготовлении в бухтах Сасебо (город и порт в Японии, в префектуре Нагасаки. – Р.А.) запасов угля и риса и о сосредоточении в этой бухте Японского флота, под предлогом морских маневров» [21. Л. 38–38 об.].

При таких обстоятельствах, по мнению Командующего войсками округа, открытие Японией «неприязненных против нас действий» вызывало необходимость заблаговременно принять все меры для обеспечения важнейшего пункта на Дальнем Востоке – Владивостока [Там же. Л. 38 об.].

Меры эти сводились к следующему:

1. Для Владивостокской крепости и ее гарнизона было введено ускоренное приведение в боевую готовность и 6-часовая мобилизация. В этот срок должны были быть закончены все работы и все передвижения войск гарнизона, необходимые для занятия батарей и прикрытия их, для занятия главных позиций

и организации «наблюдательной и охранительной службы». С весны 1898 г. при береговых батареях Владивостокской крепости постоянно присутствовала дежурная артиллерийская прислуга и прикрытие, а снаряды, хранившиеся в нишах орудийных двориков, находились «в готовом виде».

2. «Для первоначальной выручки Владивостока» были назначены войска Хабаровского, Никольского, Раздольнинского и Анучинского гарнизонов, которые мобилизовались в 8-часовой срок (за исключением некоторых частей, указанных ниже) и перевозились к станции Надеждинской по железной дороге. 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон, дислоцировавшийся в урочище Барабаш и тоже поступающий на усиление Владивостока, прибывал туда только на третьи сутки.

3. Войска, расположенные в Барабаше, Славянке и Посьете, тоже мобилизовались в 8-часовой срок и занимали назначенные им места и позиции для охранения побережья от урочища Новокиевское до устья р. Суйфун (в настоящее время р. Раздольная в Приморском крае, РФ).

4. Войска самого Новокиевского гарнизона мобилизовались «нормальным порядком», согласно мобилизационному расписанию № 17 (т.е. Приамурского военного округа № 3), и следовали затем походным порядком к Владивостоку. «Введение в этих войсках ускоренной мобилизации, признано неудобным вследствие того, что неприятельский десант, высадившийся в окрестностях Посьета, пользуясь выгодными условиями местности, может отрезать команды, оставленные для домобилизации своих частей, вследствие чего все Новокиевские войска лишились бы вовсе большей части своего обоза».

5. Поскольку допускалась возможность демонстрации неприятеля в районе устья р. Амур, с отправкой противником для этой цели отдельного десантного отряда, то для укрепления Николаевска-на-Амуре и его гарнизона тоже была введена ускоренная мобилизация (на тех же основаниях, как и для Владивостока) [21. Л. 38–39].

Для выработки деталей ускоренной мобилизации, Н.И. Гродеков дал следующие «руководящие основания»:

А. Для полевых войск.

1. Части войск должны выступить в «наивозможно большем численном составе», со всем запряженным в мирное время обозом.

2. Для домобилизации по нормальным условиям, в пунктах квартирования частей должно было быть оставлено лишь строго необходимое число офицеров и нижних чинов, которые должны были привести домобилизованные части на пополнение уже выступивших в поход частей.

3. Части войск перед выступлением должны были выделить кадры для формирования запасных частей и команды для «окарауливания» оставленного на месте имущества, если исполнение этой обязанности не представлялось возможным возложить на соответствующую запасную часть [21. Л. 39].

Б. Для крепости Владивосток и укреплений устья р. Амур.

1. Части войск должны были приготовиться к бою в «наивозможно большем численном составе».

2. Для окончания мобилизации по нормальному положению должно быть выделено строго необходимое число офицеров и нижних чинов.

3. Личный состав гарнизонов (офицеры и нижние чины) должны были быть заблаговременно распределены по назначениям, которые выпадают на них при мобилизации (служба на батареях, сторожевая и т.д.) [21. Л. 39 об.].

На основании этих данных в феврале 1898 г. особой комиссией были выработаны подробные проекты ускоренной мобилизации для полевых войск и для Владивостокской крепости, которые к 28 ноября того же года уже успели ввести в действие. «В проектах этих детально разработано по часам, что кому надлежит делать при объявлении ускоренной мобилизации, как в строевых частях войск, так и в штабах и управлениях и рассчитано для каждой части войск имущество, оставляемое на месте и берущееся с собою» [Там же. Л. 39 об.]. Все эти проекты тоже были представлены в Главный штаб [Там же].

Согласно разработанному проекту 6-часовой мобилизации Владивостокской крепости, в случае ее объявления, наличным числом нижних чинов укомплектовывались артиллерийской прислугой все береговые батареи, а вот для батарей сухопутной обороны оставалось всего 7 фейерверкеров и 126 рядовых. По тому же проекту в любой угрожаемый сектор обороны крепости могло быть сосредоточено от 1 600 до 2 000 штыков в не более чем 6-часовой срок по объявлении мобилизации [21. Л. 40].

Кроме того, был детально разработан и принят к исполнению план сосредоточения, в случае объявления ускоренной мобилизации, войск Хабаровского, Раздольнинского, Никольского и Анучинского гарнизонов к станции Надеждинской Уссурийской железной дороги [21. Л. 40; 22. Прил. 2. Л. 44–61].

В случае практической реализации этого плана походным порядком до станции Надеждинской передвигались: Приморский драгунский полк, 1-й Читинский казачий полк (кроме одной сотни, расположенной в урочище Барабаш, одной сотни, которая будет переведена в Хунчунский караул, и еще одной – дислоцировавшейся во Владивостоке), 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и 4 орудия 5-й горной батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (остальные 4 орудия были назначены с сотней 1-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войск [ЗКВ] и двумя сотнями Уссурийского казачьего войска [УКВ] занять г. Нингуту (в настоящее время г. Ниньян провинции Хейлунцзян КНР) для связи с войсками, сосредоточенными в Маньчжурии и прикрытия строящейся там железнодорожной на участке от русско-китайской границы до долины р. Муданьцзян). Все остальные части войск, расположенные в указанных гарнизонах (2, 3 и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, 3-й и 10-й Восточно-Сибирские линейные батальоны, 2-я и 4-я легкие и 1-я мортирные батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, 3-я и 4-я батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады,

две роты Восточно-Сибирского саперного батальона и первоочередная сотня УКВ), перевозились туда же по железной дороге [Там же].

Части войск гарнизонов урочищ Посыт, Зайсановка, Барабаш и Славянка (8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, 5, 9 и 11-й Восточно-Сибирские линейные батальоны, 2-я Мортирная батарея 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады – из урочища Новокиевское и сотня Читинского казачьего полка ЗКВ), всего 3 974 штыка, 130 шашек и 6 орудий, мобилизовались в 8-часовой срок и располагались затем для охранения побережья, причем для этого требовалось около 24 часов.

Новокиевский отряд в составе 5, 6 и 7-го Восточно-Сибирских стрелковых полков (8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк присоединился к нему по прибытии колонны в урочище Барабаш), 3-й легкой и 6-й горной батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, а также, в перспективе, 1-я сотня Читинского казачьего полка ЗКВ, которую предполагалось «в скором времени», расположить в Хунчунском карауле, мобилизовался нормальным порядком и должен был быть готов к выступлению на 17-й день по объявлении мобилизации. Для передвижения отряда от урочища Новокиевское до станции Надеждинской (192 версты) отряду требовалось 9 дней (считая в том числе один день на дневку), так что к станции Надеждинской весь отряд численностью в 7 616 штыков, 130 шашек и 16 орудий прибывал по плану на 26-й день по объявлении мобилизации [21. Л. 40].

Станция Надеждинская была выбрана пунктом сосредоточения в силу трех основных стратегических соображений:

«1) сосредоточение может быть произведено весьма удобно и безопасно;

2) отсюда отряд может быть двинут наиболее удобным образом к вероятным пунктам высадки в глубине как Амурского залива (побережье между реками Лянчихэ и Черной), так и Уссурийского залива (бухта Кангауз);

3) отсюда всего удобнее воспрепятствовать неприятелю произвести полное обложение Владивостока;

в последнем отношении имеет для неприятеля особое значение позиция на высоте южного берега р. Лянчихэ. Позиция эта команда на оба фронта, на север и на юг, пересекает полуостров во всю ширину, следовательно перехватывает все пути, ведущие к Владивостоку. Оборона флангов позиции может быть поддержана судовою артиллерию» [Там же].

Поэтому ближайшей целью собранного у станции Надеждинской отряда должно было стать «воспрепятствование неприятелю утвердиться на упомянутой позиции», тем более что от станции Надеждинской через станцию Угловую на Владивосток шла «серединою полуострова» Муравьева-Амурского хорошая военная дорога, построенная летом 1898 г. К моменту написания плана дорога была доведена только до долины р. Лянчихэ, но, по мнению Н.И. Гродекова «в скором времени будет доведена до Угловой» [21. Л. 40 об.].

Из этих выкладок следовал вполне закономерный вывод о том, что недостаточная обороноспособность Владивостокской крепости приковывает к ней, в слу-

чае начала действий неприятеля именно против этого пункта, все военные силы Южно-Уссурийского края. «Несоответствие сил крепости есть главная причина слабости обороны этого пункта», поскольку численный состав крепостной артиллерии не допускал назначения необходимого числа артиллериейской при-слуги на батареи сухопутной обороны, т.е. на 132 9-фунтовые полевые пушки оставалось 7 фейерверкеров и 126 рядовых [21. Л. 40 об.]. Исходя из этого, Н.И. Гродеков формулировал очередные ходатайства по усилению Владивостокского гарнизона и артиллерию крепости [Там же. Л. 40 об.–41 об., 42 об.]. Только в случае их удовлетворения «можно будет считать Владивосток способным к самостоятельной обороне и явится возможность, если не всем войскам, расположенным в Приморской области, то хотя бы большей части их дать назначение резерва, способного быть направленным сообразно обстоятельствам на Маньчжурский или Южно-Уссурийский театр» [Там же. Л. 41 об.]. В условиях сложившейся внешнеполитической и военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке успешное выполнение всех стоящих перед округом задач Н.И. Гродеков считал возможным лишь в случае значительного усиления и остальных войск, не входящих в состав гарнизона Владивостокской крепости. «Через 5 лет постройка Маньчжурской железной дороги настолько подвинется вперед, что положение наше в несколько раз будет сильнее настоящего, даже при сохранении существующей численности войск. Но надо пережить эти пять лет, надо в течение этого срока во что бы то ни стало прикрыть достраивающийся Великий Сибирский путь, надо, наконец, сохранить за собой Порт-Артур и отстаивать Владивосток. Следовательно, ближайшее пятилетие есть именно тот период, который надо считать наиболее рискованным и нуждающимся в усилении нашего военного положения в Приамурском крае», – заключал Командующий войсками округа. Подчеркнутый в цитате фрагмент был выделен начальником Главного штаба в тексте документа, а на полях наложена резолюция: «Задача весьма трудная» [21. Л. 41 об.].

Гродеков всерьез опасался, что неприятель, пользуясь превосходством сил, может одновременно с Владивостоком начать военные действия и против войск Новокиевского гарнизона, воспрепятствовав их присоединению к отряду, сосредоточивающемуся к станции Надеждинской. Причем такой вариант действий неприятеля Н.И. Гродеков считал «наиболее вероятным и отвечающим обстановке, так как Новокиевскому отряду приходится совершить фланговый марш в 192 версты по узкой прибрежной полосе, имеющей покуда всего один путь». Изыскания для второго, более отдаленного от берега пути ко времени составления документа были уже начаты, но до завершения строительства этого пути было еще очень далеко [Там же. Л. 42]. В случае такого развития событий войска Новокиевского отряда могли быть «оттиснуты на другой театр – Маньчжурский, к Гирину (в настоящее время г. Цзилинь в одноименной провинции КНР). Другими словами, явится невозможность сосредоточить к Владивостоку все войска Южно-Уссурийского отдела – и сила выставленного об-

сервационного отряда к Владивостоку не превзойдет 9 240 штыков.

За сим, за исключением войск, охраняющих побережье Посытского участка, в Приморской области от Амура до Владивостока не будет ни одного батальона, кроме двух запасных, одного в Никольском, другого в Хабаровске.

«Такое положение, конечно, не может считаться нормальным и полное несоответствие сил Округа с современными для него задачами на Южно-Уссурийском театре в военное время высказывается с полной очевидностью» [21. Л. 42–42 об.].

Что же касается соображений «относительно организации военных операций на Маньчжурском театре, в целях оказания содействия крепости Порт-Артур», то они к 28 ноября 1898 г. еще не были закончены и Н.И. Гродеков обещал представить их в дополнение к отосланным документам позднее [Там же. Л. 42 об.], что и было сделано.

В целом в первый период кампании, т.е. до прибытия резервов из Сибири, войска Приамурского военного округа должны были образовать два корпуса и один отряд, имевшие каждый свое назначение. Южно-Уссурийский корпус должен был задержать наступление противника в случае его высадки в Амурском или Уссурийском заливах, препятствовать обложению Владивостокской крепости с суши, парируя попытки противника занять наиболее выгодные для него позиции, выставить отдельный отряд для охранения побережья Посытского участка от границы с Кореей до Амурского залива, а также прикрывать строящуюся железную дорогу до долины р. Муданьцзян, заняв особым конным отрядом г. Нингуту, наблюдать за дорогой от него до г. Хунчун и установить связь с Маньчжурским корпусом [13. Т. 1. С. 177].

В соответствии с этими задачами Южно-Уссурийский корпус, в котором предполагалось иметь всего 23 батальона, 14 эскадронов, 76 орудий и 3,5 инженерных роты при 4 артиллерийских парках, 2 лазаретах, 9 госпиталях, 2 транспортах и 1 аптеке, делился на три части:

1. Обсервационный отряд, сосредотачиваемый у станции Надеждинской Уссурийской железной дороги: 18 батальонов, 8 эскадронов, 58 орудий и 2,5 инженерных роты при 4 артиллерийских парках, 2 лазаретах, 8 госпиталях, 2 транспортах и 1 аптеке.

2. Приморский отряд в районе зал. Посыт: 5 батальонов, 2 сотни, 14 орудий и 1 инженерная рота при 1 госпитале.

3. Конный отряд в г. Нингута: 4 сотни и 4 орудия.

В состав Маньчжурского корпуса должны были войти войска из Забайкальской и Амурской областей: 14 батальонов, 27 сотен, 32 пехотных и 18 конных орудий и 1,5 инженерных роты при 3 парках, 5 госпиталях, 1 транспорте и 1 хлебопекарне. Перед ним были поставлены задачи: выступить в южную Маньчжурию, где и начать операции против японской армии и, по прибытии резервов из Сибири, оказать поддержку Квантунскому отряду. Большая часть этих резервов направлялась на среднее течение р. Сунгари, а меньшая – напрямую из Забайкалья в

г. Хабаровск для усиления Южно-Уссурийского отряда. Впоследствии, в 1899 г. эти задачи были немного скорректированы, и Маньчжурскому отряду предписывалось: прикрыть территории северной и средней Маньчжурии, строившуюся линию КВЖД от долины р. Муданьцзян до Забайкалья, при необходимости противодействовать восстанию местного населения, а также, «если то потребуется», идти на выручку Квантунскому отряду [13. Т. 1. С. 178, 771]. Для их решения корпус предполагалось разместить сначала на оборонительной линии на среднем течении р. Сунгари от г. Бодунэ (в то время город в Маньчжурии на правом берегу р. Сунгари, в 32 км к югу от впадения в нее р. Нонни, на территории Гиринской провинции в Китае; в настоящее время г. Фуюй в провинции Цзилинь КНР) до г. Гирин, превратить последний в укрепленный пункт, занять перекресток путей, ведущих в обход этой позиции, из Кореи и южной Маньчжурии (г. Омосо) и далее, по мере необходимости, двигаться на юг навстречу неприятелю.

Николаевский отряд в составе 1 батальона, 1 крепостной артиллерийской роты и 1 инженерной роты должен был обороныть устье р. Амур [13. Т. 1. С. 178, 771].

Таким образом, в основе плана лежала концепция превентивной обороны, т.е. идея о возможности разгромить основные силы Японии еще на территории северо-восточного Китая – в Маньчжурии. Однако достаточными для успешной реализации силами она обеспечена не была. К 1 января 1898 г. во всем Приамурском военном округе штатный состав нижних чинов был лишь 48,3 тыс. чел. [14. Л. 1 об.]. Активная роль отводилась именно Маньчжурскому корпусу, развертывание которого на линии Бодунэ – Гирин предполагалось осуществить следующим образом. Основные силы, в составе 11 батальонов, 22 пехотных и 6 конных орудий, 3 сотен и 1,5 инженерных рот при 3 парках, половине лазарета, госпитале, 1 транспорте и 1 хлебопекарне, сосредотачивались в с. Удачен – центральном пункте оборонительной линии, прикрывавшей весь район Сунгарицкой базы. Он представлял собой важнейший транспортный узел, через который шли дороги как на север, так и на юг, к побережью Печилийского залива. Именно в этом месте отрезок ЮМЖД, идущий от г. Ажехе на станцию Куанченцы, должен был пересекать р. Сунгари. Два крайних фланга позиции должны были занять: г. Гирин – 2 батальона, 6 сотен, 8 орудий при одном госпитале, и г. Бодунэ – 1 батальон, 2 сотни и 2 орудия. Большая численность отряда, выделенного для занятия г. Гирин, объяснялась тем, что город этот был заметно крупнее, в стратегическом и экономическом отношениях – важнее, по отношению к противнику занимал выдающееся положение и к тому же именно через него предполагалось поддерживать связь между Маньчжурским и Южно-Уссурийским корпусами. Решение последней задачи возлагалось на 4 сотни при 4 горных орудиях, выдвинутых от Южно-Уссурийского отряда к г. Нингута [13. Т. 1. С. 178–179, 771].

Анализировавший этот план при подготовке первого тома отчета военно-исторической комиссии по опи-

санию Русско-японской войны 1904–1905 гг. полковник П.Н. Симанский отмечал: «Приведенные только что рассуждения, в настоящее время (в 1908–1909 гг. – Р.А.), конечно, странно читать, тем более, что разница между отрядами (направленными для занятия г. Гирин и г. Бодунэ. – Р.А.) получалась только в 1 батальон, 4 сотни и 6 орудий. Если же в те дни эти рассуждения все же имели известный смысл, то это только показывает, с какими ничтожными силами думали мы тогда бороться с Японской армией» [13. Т. 1. С. 771].

У Куанченцы – важнейшего транспортного узла, через который проходили дороги на города Бодунэ, Удьячкан, Гирин и Мукден (в настоящее время г. Шеньян в КНР), а также важнейший тракт, соединявший плодородные территории по среднему течению р. Сунгари с побережьем Ляодунского залива и застенным Китаем, должен был расположиться авангард Маньчжурского отряда в 12 сотен и 6 орудий; в тылу, в городах Сан-син (в настоящее время г. Илань провинции Хейлунцзян КНР), Цицикар (в настоящее время г. Цицикар провинции Хейлунцзян КНР), Мергень (в настоящее время г. Нэньцзян провинции Хейлунцзян КНР) и Айгун (в то время – город и крепость на правом берегу р. Амур в 30 км ниже по течению реки от Благовещенска; в настоящее время – г. Айгун в КНР) – 3,5 сотни; на опорных пунктах предполагалось установить небольшое число пушек, для охраны сообщения по рекам – вооружить скорострельными орудиями 4 парохода, принадлежавших Министерству путей сообщения [Там же. С. 178–179, 771].

Распыление сил получалось колоссальным. Малочисленным войскам Приамурского военного округа предстояло, по сути, занять огромный район, растянув каждый из двух корпусов на 200 верст по фронту. Более того, расстояние между самими этими корпусами получалось около 600 верст, а низовье и устье р. Амур оставалось совершенно изолированным ТВД [Там же. С. 178].

Разработка этого плана велась постепенно. Распределение сил по отрядам было готово уже в 1898 г., а вот основные положения о развертывании Маньчжурского корпуса (состав его почти не менялся) доделали только в следующем году.

Предвиделись трудности и с самим процессом сосредоточения Маньчжурского отряда в указанных выше пунктах, поскольку в случае начала мобилизации и сосредоточения войск в период речной навигации всю операцию можно было провести сравнительно быстро (по дальневосточным меркам). В этом случае назначенные для занятия г. Гирин войска должны были прибыть туда на 46-й день, в Удьячкан – на 72-й, в Бодунэ – на 67-й и в Куанченцы – на 64-й). Однако если сосредоточение войск падало на период когда навигация прекращалась или того хуже – на период весенней распутицы, то сосредоточение войск превращалось в серьезную проблему. В этом случае войска Маньчжурского корпуса могли добраться до среднего течения р. Сунгари не ранее чем через 99 дней (без 2 парков и 1 подвижного госпиталя) или 110 дней (с этими учреждениями), т.е. примерно через 3,5 месяца! В Гирин войска добирались на 60–70-й день, в Удьячкан – на 73–99-й, в Бодунэ – на 47-й и в Куанченцы –

на 80–90-й. Таким образом, опоздание составляло для отдельных частей от 20 до 44 дней, а для Маньчжурского корпуса в целом – 38 дней. Иными словами, если в сезон речного судоходства последняя воинская часть прибывала к месту назначения на 72-й день, то в сезон, когда оно было закрыто, – на 110-й день [13. Т. 1. С. 179, 772].

Что касается подкреплений из Сибири (25 батальонов, 42 сотни – всего 32 тыс. чел), то их предполагалось сосредотачивать в станице Стретенской, куда они могли прибыть не ранее 130-го дня мобилизации. Далее их в период навигации можно было отправить, в зависимости от складывающейся обстановки или на Южно-Уссурийский, или на Маньчжурский ТВД. В случае же прекращения навигации войска эти застревали в Забайкалье до начала нового сезона речного судоходства, так как перемещение больших масс войск сухопутно по дороге Цурухайтуй – Цицикар «представляло непреодолимые затруднения в продовольственном отношении» и в то время считалось едва ли осуществимым [Там же. С. 179, 771].

В направленном в Военное министерство отзыве Командующего войсками Приамурского военного округа Начальнику Главного штаба № 696 от 11 мая 1899 г. отмечалось: «Главное преимущество сосредоточения войск в навигационный период по сравнению с таковым же в зимнее время, заключалось в том, что в первом случае Гирин будет занят на 27 дней ранее, нежели во втором, Удьячкан – на 41, Бодунэ – на 28, а Куанченцы – на 25 дней. Если Сибирские подкрепления начнут пребывать в Стретенск во время навигации и когда войска Забайкальской области будут уже перевезены, то эти подкрепления могут сосредоточиться в Бодунэ приблизительно через 5 месяцев по объявлении мобилизации; если же войска из Сибирского военного округа начнут прибывать в Стретенск в то время, когда будет еще идти перевозка войск Забайкальской области, то указанный выше срок несомненно увеличится, так как для отправки из Стретенска всех Забайкальских войск нужен промежуток времени в 40 дней» (цит. по: [13. Т. 1. С. 179–180, 772]).

Основная часть приведенных выше соображений была отправлена Н.И. Гродековым в Главный штаб отзывом № 1527 от 27 ноября 1898 г. [13. Т. 1. С. 180, 772], где встретила ряд замечаний со стороны начальника этого учреждения генерал-адъютанта В.В. Сахарова, наложившего 5 января 1899 г. на этом документе резолюцию: «Мне представляется, что малочисленность наших войск требует большего сосредоточения, почему Маньчжурский корпус должен был быть, в особенности первое время, до прибытия подкреплений, придвижут ближе к Уссурийскому (корпусу. – Р.А.). Поддержка от Гирина Порт-Артура вряд ли возможна, ввиду крайней слабости сил Маньчжурского корпуса и удаленности его, а прикрытие постройки железной дороги является второстепенною задачею. Уссурийский корпус отнюдь не должен обращаться в гарнизон Владивостока, а должен быть предназначен для полевых действий, дабы при известной обстановке мог быть употреблен на том или другом театре. Выделение к Посыту 5 батальонов не слишком ли ослабит главные силы Уссурийского корпуса? Не будет ли

правильнее ограничиться у Посыта одним лишь наблюдением, не задаваясь широкими боевыми целями?» (цит. по: [13. Т. 1. С. 180, 772]).

Более того, он еще и высказывал недовольство относительно разработанной Окружным штабом организации полевых управлений, отмечая, что «войск – горсть, а управлений так много, что трудно разобраться. Выходит какая-то опереточная организация» (цит. по: [13. Т. 1. С. 772]).

По сути замечания начальника Главного штаба были правильными, только с реальной обстановкой, сложившейся на Дальнем Востоке из-за перехода империи к активной внешней политике в регионе, да и политикой Военного министерства в отношении Приамурского военного округа соотносились очень слабо. Маньчжурский корпус, равно как и Уссурийский, действительно был крайне малочисленным, поскольку какого-либо ощутимого усиления войск командование округа добиться не могло. Идея поддержки Порт-Артура малочисленным отрядом, перебрасываемым на огромное расстояние от Гирина, была скорее жестом отчаяния авторов плана, чем следствием реальных расчетов. Однако раскритиковав ее, В.В. Сахаров не счел нужным при этом ответить на вопрос, каким же образом следует помогать практически беззащитному Порт-Артуру с малочисленным гарнизоном, ведь в случае быстрого занятия этого пункта Япония, во-первых, получала в свои руки сравнительно неплохо оборудованный военный порт, а во-вторых – громкую славу и большой общественный резонанс по всему миру.

Полнейшее непонимание значения Владивостока и района зал. Посыта – стратегических ключей всего Южно-Уссурийского края, тоже весьма показательно. Во Владивостоке в то время уже был хороший глубоководный порт, попадание которого в руки японцев обеспечивало им возможность быстрой и легкой высадки на континент любого количества войск и артиллерии. В свою очередь контроль противника над побережьем от зал. Посыта до Владивостока обеспечивал ему возможность использовать несколько бухт, позволявших высадить войска для последующих действий не только против сухопутного фронта Владивостокской крепости, но и против всего Уссурийского отряда, разгром которого был равносителен переходу в руки противника контроля над всем Южно-Уссурийским краем, и полному оголению левого фланга Маньчжурского отряда. Более того, контроль над районом зал. Посыта позволял японцам спокойно перебрасывать на территорию России войска как по прибрежной дороге, идущей вдоль Корейского полуострова, в случае, если бы их высадка была произведена в Корее, так и из Маньчжурии по дороге, проходящей через китайский г. Хунчун. Иными словами, переход от обороны района зал. Посыта к «наблюдению» за постепенным занятием японскими войсками этой территории был равносителен добровольной передаче противнику плацдарма для ведения боевых действий в Южно-Уссурийском крае, и организации флангового удара по собственному Маньчжурскому отряду. Что же касается утверждения о «второстепенности» задачи по прикрытию КВЖД, то вся его аб-

сурдность очень рельефно проявилась 2 года спустя, во время Китайского похода 1900–1901 гг., основные операции которого в Маньчжурии проходили как раз вдоль железнодорожных линий и сводились к освобождению их от восставшего китайского населения, а местами и войск [23. С. 67–155, 244–294; 24. С. 189–244].

Понимания того, что все штаты полевых управлений рассчитывались командованием округа исходя из надежды, что в Военном министерстве все-таки одумаются и начнут ответственное поставленным задачам усиление войск округа, начальник Главного штаба тоже не продемонстрировал.

К весне 1899 г. в Окружном штабе окончательно пришли к выводу, что кроме двух старых задач, стоящих перед войсками округа, а именно: обороны Владивостокской крепости и прикрытия района среднего течения р. Сунгари, составлявшего «продовольственный базис для всей восточной прибрежной к Тихому океану территории, образующей Южно-Уссурийский и Маньчжурский театры войны» [13. Т. 1. С. 176, 771; 25. Л. 8], есть еще и третья, поскольку находящийся на Квантунском полуострове и в Порт-Артуре отряд, при существующей численности войск, в случае начала войны держаться самостоятельно долго не смог бы. В связи с этим требовалась его поддержка со стороны войск Приамурского военного округа. Более того, прикрывать нужно было и строящуюся туда линию ЮМЖД, что делало положение малочисленных войск Приамурского военного округа совсем незавидным даже при том, что практическое решение некоторых задач в военных условиях частично совпадало. Например, сосредоточение войск в районе среднего течения р. Сунгари прикрывало и «продовольственный базис», и строившуюся линию ЮМЖД. Обо всем этом было 11 мая 1899 г. доложено в столицу вместе с возбуждением очередных ходатайств по усилению войск [25. Л. 8].

Командующий войсками округа Н.И. Гродеков продолжил методично отстаивать основания разработанного плана уже в 1899 г., растолковывая первым лицам Военного министерства то, чего они не понимали. В отношении начальнику Главного штаба № 696 от 11 мая 1899 г. разъяснялось: «Значение Владивостока, в связи с одной стороны с малочисленностью его гарнизона, а с другой – с невозможностью оставления без защиты как военных учреждений, так и населения Приморской области, а также необходимость насколько возможно, оборонять устье Амура и побережье так называемого Посытского участка, – все это ряд причин, исключающих возможность вывода войск из Приморской области и предоставления крепости Владивосток ея собственным средствам обороны.

Обстановка может вынудить двинуть в Гирин лишь 2-ю В.-С. стр. бриг. (2-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду. – Р.А.), если она будет отрезана от Владивостока, но это лишь частный случай, который в общий расчет сосредоточения не входит, а только предусматривается» (цит. по: [13. Т. 1. С. 180]).

Аналогичным образом он не считал возможным отказаться от выбранного для развертывания русских

войск района среднего течения р. Сунгари, дававшего контроль над «продовольственным базисом», возможность установления связи Квантунского и Южно-Уссурийского ТВД и гипотетическую вероятность оказания помощи Порт-Артуру, гарантию от «вредных для нас действий» со стороны Китая, а также прикрытия всей территории русского железнодорожного строительства в Китае, и в первую очередь – КВЖД.

«Производительность Приамурского края настолько еще незначительная, что не может обеспечить продовольствие не только войск и населения вместе, но даже и одного населения. Край живет подвозами морским путем из Одессы и Америки и сухим путем и рекою (Сунгари) из Маньчжурии. В 1897 г. ввезено к нам хлеба из Маньчжурии на 350 т.[ыс] рублей; с прекращением же во время войны морских сообщений Европы и Америки с Владивостоком цифра подвоза зерновых продуктов из Маньчжурии должна будет значительно возрасти. К этому необходимо добавить, что порционный скот Приморская и Амурская области получают исключительно из Маньчжурии и Кореи. Маньчжурия ежегодно поставляет в Южно-Уссурийский край около 12 тыс. голов и в Амурсскую область около 22 тыс.», – писал Н.И. Гродеков В.В. Сахарову и делал вывод: «Итак, при возникновении военных действий на Дальнем Востоке, занятие района Средней Сунгари является первостепенной целью действий. Естественно, что задачу эту могут выполнить войска Амурской и Забайкальской областей. Только по занятии указанной территории и обращении ее в продовольственный, а затем и операционный базис, возможно, сосредоточив достаточные силы, предпринять движение на выручку Порт-Артура или в направлении Кореи» (цит. по: [13. Т. 1. С. 181]).

Что касается Порт-Артура, который к этому времени еще не вывели из-под юрисдикции Хабаровска, то у Н.И. Гродекова явно закрадывались подозрения, что В.В. Сахаров не понимает ни стратегического, ни символического значения этого пункта для России и Японии (особенно с учетом того, что было сделано в 1895 и 1898 гг.), равно как и состояния его оборонноспособности. «Это весьма важная стратегическая позиция на морском пути к Пекину, лежащая вблизи великих мировых торговых путей; Владивосток же слишком удален от них; Порт-Артур – это далеко выдвинутая на юг военно-морская станция нашей Тихоокеанской эскадры и опора ея; здесь, наконец, выход железнодорожного пути к морю. Мы давно добивались получить незамерзающий выход в открытое море и получили его в Порт-Артуре; мы не дали японцам Порт-Артура (в 1895 г. – Р.А.) с тем, чтобы занять его самим (в 1898 г. – Р.А.); естественно, что усилия Японии будут направлены к отторжению от нас этого лакомого куска, чтобы привести нас в прежнее положение. Потеря Порт-Артура и вообще Квантуня нанесет громадный удар нашему престижу в Азии; чтобы вернуть вновь это приобретение, сделанное мирным путем без пролития единой капли крови, придется завоевать сначала всю Маньчжурию. Подобно Севастополю в войну 1854–1855 гг. (имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой

имела место оборона Севастополя. – *P.A.*), Порт-Артур может стать целью действий всей кампании; но Севастополь до последней минуты имел сообщение с внешним миром. Порт-Артур же, отброшенный на 1.500 верст от ближайших русских владений, может быть вовсе отрезан. Все это делает для японцев крайне заманчивой попытку овладеть Порт-Артуром, тем более, что они имеют и боевой опыт в этом отношении» [13. Т. 1. С. 181–182; 25. Л. 5 об.–6, 7 об.–8].

Порт-Артур «еще не крепость и 11.000 гарнизон его далеко не достаточен для упорной и продолжительной защиты» [13. Т. 1. С. 182]. Обе эти мысли были дословно повторены Н.И. Гродековым в записке от 2 июня 1899 г., причем оба документа содержали ходатайства об усилении войск Приамурского военного округа [25. Л. 5 об.–6, 7 об.–8].

Ко 2 июня 1899 г. все основные соображения Н.И. Гродекова и Окружного штаба по плану организации обороны российского Дальнего Востока были суммированы вместе с ходатайствами об усилении войск округа в специальной записке, отправленной в Военное министерство [25. Л. 2–8 об.].

«Новая эра, наступившая на Дальнем Востоке после Японо-Китайской войны, выражается в том, что некоторые державы, преследуя торгово-экономические цели, стараются приобрести себе твердое положение на берегах Великого Океана и перенесли центр тяжести своей внешней колониальной политики на Дальний Восток. Проявление такого направления политики различных государств на Востоке выразилось: в занятии частей территории Китая, в стремлении получить право на постройку железных дорог и в желании захватить в свои руки преобладающее влияние на судьбу Небесной Империи (т.е. Китая. – *P.A.*), путем реорганизации вооруженных сил Китая, при помощи своих инструкторов.

В ряду иностранных держав наиболее заинтересованы в получении преобладающего влияния в Китае – Англия и Япония; первая по количеству затраченных на различные предприятия капиталов ($1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей), для последней же является самым жизненным вопросом – стать прочно на материке, без чего она не может развиваться. Не взирая на финансовые затруднения, Японское правительство продолжает оставаться под давлением воинствующих элементов и упорно готовится к борьбе за преобладание на Дальнем Востоке» [25. Л. 3].

При этом «Япония с замечательным упорством и очень умело добивается распространения своего влияния в Китае», самыми различными методами: в провинцию Хубэй приглашены «японские полисмэны», «китайские офицеры два года сряду приглашаются в большом числе на маневры японских войск; наконец, значительное число китайцев воспитывается в Японии в военных и технических школах». Это в перспективе, по мнению командования округа, могло привести к втягиванию Китая в союз с Японией против России [Там же. Л. 3 об.–4].

«При современной же обстановке и общем положении дел, – указывалось в документе, – в роли неприятеля России на Дальнем Востоке может явиться пока Япония – одна или в союзе с Англией, занявшей в не-

давнее время выгодную позицию на фланге нашего морского сообщения с Квантунским полуостровом (имеется ввиду Вейхавей, точнее Вейхай – город и порт в Китае, взятый Великобританией в аренду в 1898 г. для создания британской военно-морской базы с целью поддержания в регионе баланса сил с Российской империей, арендованной в том же году у Китая Порт-Артур. – *P.A.*). Будучи уязвима на границах Индии, Англия одна вряд ли когда-нибудь рискнет вести с нами борьбу на Дальнем Востоке, отделенном от нее громадным расстоянием. Совершенно в других условиях находится Япония, неуязвимая для нас по своему островному положению и находящаяся всего в расстоянии трех дней ходу от наших владений. Общее настроение в Японии не в пользу России. Японское правительство стремится довести свою армию до численности в 300.000, а боевой флот до 240.000 тонн. Хотя, в видах сокращения расходов, программа усиления армии и растянута на 10 лет, но более половины этой программы уже выполнено» [25. Л. 4–4 об.], в результате чего сравнение наступательного потенциала Японии с оборонительным потенциалом российского Дальнего Востока было явно не в пользу последнего.

В Окружном штабе исходили из того, что «в 1905 г., с окончанием реорганизации армии, в Японии будет 170 батальонов, 65 эскадронов и 120 батарей (720 орудий), что составляет 218 000 нижних чинов действующих войск, не считая войск резервных и территориальных.

Но и в настоящее время численность Японской армии не много превосходит то, что может выставить Приамурский Округ.

В 1898 г. Япония имела уже все 13 дивизий сформированными (149 батальонов), с соответствующим количеством артиллерии; Приамурский-же Округ ныне имеет: 52 батальона (не считая крепостной артиллерии, инженерных войск и запасных батальонов. – *Прим. док.*) 46 сотен и 150 орудий, но из них: 17 батальонов, 7 сотен и 24 орудия составляют гарнизоны Владивостока, Порт-Артура и Николаевска. Следовательно для полевых действий мы будем иметь: 35 батальонов, 39 сотен и 126 орудий. Подкрепления из Сибирского Округа – 25 батальонов и 42 сотни могут прибыть в пределы Округа только через 3 месяца после объявления мобилизации, и то при самых благоприятных обстоятельствах.

Японская армия мобилизуется на 8–10 день. На 4-й день в пунктах, назначенных для посадки войск на суда, может быть сосредоточено 160 000 нижних чинов и 540 орудий. Паровой коммерческий флот Японии около 400 000 тонн вместимости и в любом из портов через неделю может быть сосредоточено 75 пароходов (150 000 тонн), могущих поднять 30 000 нижних чинов с артиллерией, 6 000 лошадей и продовольствие на 2 недели.

В настоящее время господство на море обеспечено для Японии; в 1900 г. боевой флот японцев будет иметь 37 судов (171 331 тонн (Не считая миноносцев и судов, неудовлетворяющих современным требованиям. – *Прим. док.*)), а к 1903 г. – 52 судна (233 000 тонн); сюда надо прибавить еще английскую эскадру, имеющую ныне 28 судов (97 561 тонна)» [25.

Л. 4 об.–5]. Следует подчеркнуть, что вся эта информация была доведена до сведения не только военного министра А.Н. Куропаткина, но и доложена императору Николаю II.

Сообщили ему и то, что фактор внезапности и транспортные условия тоже были на японской стороне: «От Японии до Владивостока или Порт-Артура около 3-х дней ходу. Посадка японских войск на суда, по отзывам компетентных лиц, не оставляет желать ничего лучшего в смысле быстроты (обучение посадке и высадке входит в программу постоянных занятий японских войск. – Прим. док.) Следовательно, самое позднее, что через месяц от начала мобилизации, японцы могут появиться у Ляодуна или на берегах залива Петра Великого» [25. Л. 5].

Так что в Хабаровске были вынуждены исходить из того, что «неприятель может появиться у границ Приамурского Округа внезапно и совершенно неожиданно» [25. Л. 5]. Причем если японские войска могли быть переброшены пароходами к Порт-Артуру или Владивостоку морем за 3 дня, то по действовавшему в 1898 г. в Приамурском военном округе мобилизационному расписанию № 3, соответствовавшему расписанию Главного штаба № 17 (усовершенствованное в подробностях мобилизационное расписание № 4 было введено в округе в действие в мае 1899 г., т.е. буквально за несколько дней до окончания работы над запиской), войска в округе мобилизовались в следующие сроки: войска на Квантуне находились в постоянной боевой готовности, гарнизон Николаевска-на-Амуре мобилизовался на 4-й день, гарнизон Владивостокской крепости – на 1–9-й, войска Приморской области – на 5–20-й (кроме Приморского драгунского полка, мобилизующегося на первый день), Амурской – 4–26-й и Забайкальской – 7–46-й день [25. Л. 5].

Столь невыгодное соотношение стало причиной введения в 1898 г. для войск, расположенных в Приморской области (кроме гарнизона крепости Николаевск-на-Амуре), ускоренной мобилизации, по которой, в случае необходимости, войска эти должны были быть готовыми к выступлению в поход через 8 часов, «оставляя некоторую часть на месте для пополнения до военного состава людьми и лошадьми с тем, что эта часть присоединяется потом к войскам» [25. Л. 5]. По плану ускоренной мобилизации крепость Владивосток и Николаевские укрепления могли быть готовы к действию через 6 часов. Для своеобразного предупреждения о появлении неприятельского флота во Владивостоке и Порт-Артуре создали наблюдательные станции [Там же].

Командованию Приамурского военного округа уже весной 1899 г. было очевидно то, что в Петербурге не осознали даже к 1904 г.: «Выгодность географического положения Японии, по отношению к таким владениям на побережье Тихого Океана, ея громадные морские транспортные средства, в связи с общим превосходством сил, при благоприятных условиях времени – все это обуславливает для Японии выгоду принятия инициативы нападения и активного образа действий для захвата того или другого пункта. До занятия нами Порт-Артура, по имеющимся сведениям, план японцев состоял в том, что-

бы произвести десант у Владивостока 5–6 дивизиями, при одновременной высадке значительных сил в Корее. С занятием Порт-Артура, положение дел резко изменилось. В настоящее время надо полагать, что главный удар японцы направят на Порт-Артур. <...> Поэтому в настоящее время можно предполагать, что план японцев будет заключаться в высадке 4–5 дивизий (60–70 т. [тыс.] и 270 орудий) на Ляодуне, при одновременном занятии Кореи. Этот способ действия не исключает возможности одновременной высадки значительных сил на берегу залива Петра Великого, с целью овладения Владивостоком» [25. Л. 5 об.–6]. Нельзя не отметить удивительную точность этого прогноза.

Ближайшие к Порт-Артуру русские войска (достаточно малочисленные) находились в Южно-Уссурийском kraе, откуда могли прийти на выручку крепости через 3 месяца, а Сибирские подкрепления – не ранее как через 7,5 месяцев. При этом те же самые войска должны были обеспечить оборону зал. Петра Великого и Владивостокской крепости. Кроме того, за пределами края необходимо было воспрепятствовать неприятелю овладеть устьем р. Амур, «дабы не дать ему даже нравственного перевеса в борьбе с нами». При этом Н.И. Гродеков продолжал считать настоятельно необходимым занять в случае начала войны «район среднего течения р. Сунгари, обладающий всеми условиями для устройства базы и весьма богатый продовольственными средствами», и настаивал: «Местная производительность Округа не удовлетворяет потребностям расположенных в нем войск, морские сообщения с Европейской Россией будут прерваны, а сухопутные крайне ненадежны. Следовательно, где-бы ни был главный театр войны, войскам Округа придется занять район среднего Сунгари и базироваться на него» [25. Л. 6].

Впрочем, по мнению Командующего войсками Приамурского военного округа, до окончания строительства русских железных дорог в Сибири, Маньчжурии и на Дальнем Востоке все эти выкладки о времени и возможностях сосредоточения войск имели в значительной степени гадательный характер: «Какова бы ни была боевая готовность войск и как бы ни были правильно составлены соображения по их сосредоточению, все расчеты могут быть нарушены одним весьма важным условием – огромностью расстояний и ненадежностью путей сообщения, передвижение по которым, завися от причин стихийных, не поддается никакому расчету. Указанное обстоятельство может значительно повлиять на успех военных операций войск Приамурского Округа» [25. Л. 6 об.].

Именно поэтому он более всего опасался за безопасность российского Дальнего Востока именно в ближайшие годы. «Тревожные обстоятельства последнего времени показали, – заключал Н.И. Гродеков, – что на Востоке события идут с чрезвычайной быстротой и осложнения могут возникнуть внезапно. Через пять лет, надо полагать, постройка маньчжурской дороги будет окончена. Но надо пережить эти 5 лет; надо в течение их быть готовым ко всякого рода случайностям; надо отстоять наше теперешнее положение на Дальнем Востоке, во что-бы то ни стало

удержать Порт-Артур, наконец – прикрыть строящуюся железную дорогу. Ближайшее пятилетие есть именно самый опасный для Приамурского Округа период» [25. Л. 7 об.].

Как и до этой записки, военный министр А.Н. Куропаткин не согласился с двумя основополагающим тезисами стратегических выкладок Н.И. Гродекова: о полной изолированности Квантунского отряда в течение 7,5 месяца по причине физической невозможности доставить туда подкрепления раньше и об узкоспециальной задаче этого отряда оборонять Квантунский полуостров и Порт-Артур. Он полагал, что не стоит привязывать Южно-Уссурийский отряд к обороне Владивостокской крепости или побережья, сделав его более мобильным для использования против неприятеля в поле, да и скорость его переброски к Порт-Артуру заметно возрастет после окончательного сооружения КВЖД и ЮМЖД уже в следующем году. При этом таким же подвижным он считал возможным сделать и Квантунский отряд, допуская, при благоприятном развитии событий, его переброску даже к Пекину или Мукдену [13. Т. 1. С. 312–313, 794].

В Главном штабе к анализу содержания поступившей записки приступили немедленно и, в отличие от военного министра, «в общем» были вынуждены с Н.И. Гродековым согласиться. По мнению заведующего Азиатской частью Главного штаба генерал-майора Д.В. Путяты, ненадежность коммуникационных линий, о которых шла речь в записке, указывает «на необходимость держаться исключительно оборонительного способа действий занимая в пределах наиболее вероятных объектов действий нашего противника на Дальнем Востоке сосредоточенное расположение» [26. Л. 9 об.].

Относительно изолированности Квантунга и деятельности Квантунского отряда в Главном штабе были полностью согласны не с Военным министром, а с Н.И. Гродековым, отмечая, что «надлежит считать Квантунский полуостров совершенно изолированным, лишенным всякой поддержки как из Приамурского, так и из Сибирского военных округов. Три месяца для прибытия Приамурских подкреплений и 7 ½ месяцев для прибытия Сибирских составляют столь значительный срок, что подкрепления эти рискуют прибыть после окончания военных действий. Вместе с тем при нынешней недостаточной численности войск Квантунского полуострова они не могут задаваться целями обороны всего полуострова, а должны будут ограничиться только защитой Порт-Артура, который уже имеется ввиду обратить в укрепленную позицию возведением на возвышенностях опорных пунктов» [26. Л. 9 об.]. Зато высказывались против занятия Сунгарийского плацдарма, указывая что «войска Приамурского военного округа, обороняющие побережье залива Петра Великого должны держаться сосредоточенно и не отвлекаться второстепенной задачей занятия района среднего течения р. Сунгари», тем более что денег на дальнейшее усиление войск в бюджете Военного министерства просто не было. «Необходимость усиления войск в округе давно осознана, но недостаток средств не позволяет выпол-

нить в полной мере ходатайства местного начальства. В прилагаемой при сем справке перечислены те меры по усилению войск в текущее пятилетие, которые уже удостоились утверждения Военного совета и приведен перечень предположений относительно усиления нашего положения в Порт-Артуре. Дальнейшее развитие этих мер будет зависеть от состояния средств предельного бюджета Военного Министерства», – доложил заведующий Азиатской частью Главного штаба военному министру [26. Л. 10].

Только после получения 5 августа 1899 г. разъяснений Главного штаба с запрошенными справками [26. Л. 9–11 об.] и тщательного ознакомления с ними Военный министр А.Н. Куропаткин 10 августа 1899 г. доложил гродековскую записку Николаю II [25. Л. 2]. Каких-либо резолюций на документе император не оставил, но проработка высказанных в нем соображений в Главном штабе продолжилась.

Таким образом, за более чем четыре с половиной года, прошедших с момента окончания Японо-китайской войны 1894–1895 гг. до конца 1899 г., так и не удалось утвердить план обороны российского Дальнего Востока на случай столкновения с новым наиболее вероятным противником – Японией. И это при том, что вероятность возникновения конфликта, равно как и возможность действий Японии в союзе с Британской империей, оценивалась командованием Приамурского военного округа как достаточно высокая. Имевшиеся в Окружном штабе сведения о военном и военно-морском потенциале империи Микадо не были ни полными, ни исчерпывающими, однако даже этой информации было вполне достаточно для констатации значительного превосходства наступательного потенциала Японии над оборонительным потенциалом России на Дальнем Востоке. Такое положение дел, при отчетливо наметившемся с 1895 г. столкновении внешнеполитических и военно-стратегических интересов двух держав, внушало серьезные опасения. Данные эти были доведены до сведения не только военного министра А.Н. Куропаткина, но и непосредственно императора Николая II. Однако оперативно решить проблему не удалось, причем причины крылись не только в отсутствии в предельном военном бюджете средств, достаточных для усиления группировки русских войск на Дальнем Востоке, о чем беспрерывно ходатайствовал Н.И. Гродеков, но и в серьезном расхождении взглядов на эту проблему между основными компетентными органами (Окружной штаб и Главный штаб Военного министерства), и более того – ответственными лицами (Н.И. Гродеков, А.Н. Куропаткин, Д.В. Путята, В.В. Сахаров и др.). Голоса тех, кто хоть немного знал и понимал Японию – «вторую Германию», – по меткому выражению одного из служивших в Приамурском военном округе офицеров [27. С. 145], а также разбирался в специфике российского Дальнего Востока, Китая и Кореи, продолжали тонуть в многоголосье тех, кто лишь считал себя разбирающимся в проблемах «дальневосточной окраины». В результате решение важнейшего вопроса обеспечения безопасности империи на дальневосточных рубежах постоянно откладывалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты в тексте приведены по юлианскому календарю, т.е. старому стилю. В некоторых случаях, когда речь идет о международных событиях, в скобках приведены даты по григорианскому календарю, т.е. новому стилю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Червинский В.П. Обзор сношений России с Китайским и Японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 190.
2. Morse H.B. The international relations of the Chinese Empire. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta : Longmans, Green, and Co., 1918. 530 р.
3. Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
4. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895 : Perceptions, Power and Primacy. N.Y. : Cambridge University Press, 2010. 412 р.
5. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под. ред. В.А. Золотарева. М. : Арбизо, 1994. 583 с.
6. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2011. 181 с.
7. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток : Дальнаука, 2013. 383 с.
8. Дацышен В.Г. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск : РИО КГПУ, 2001. 336 с.
9. Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб. : Галея Принт, 1996. 144 с.
10. Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Ч. 2. Поход на Пекин. СПб. : Галея Принт, 1999. 160 с.
11. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
12. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М. : Изд-во АСТ; Ермак, 2004. 511 с.
13. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9 т. Т. 1–9. СПб., 1910.
14. Записка полковника [А.А.] Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке» от 14 марта 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193.
15. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 41–42.
16. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 75. Поездка Генерального Штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. СПб. : Военная типография, 1901. 171 с.
17. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М. : Вост. лит., 2005. 295 с.
18. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб. : Военная типография, 1896. 167 с.
19. Отчет о рекогносировке кратчайших путей соединяющих Порт-Артур с Приамурским военным округом. Составил Генерального Штаба Подполковник Орановский. 1898/9 год. Хабаровск. 976 с. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. (ОР РГБ). Ф. 68. № 280. М. 6781.
20. Конвенция, заключенная между Россиею и Китаем 15 (27) марта 1898 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб. : Тип. А.М. Менделевича, 1906. 763 с.
21. Отношение Командующего войсками Приамурского военного округа Начальнику Главного Штаба № 1529 от 28 ноября 1898 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399.
22. Приложения к отношению Командующего войсками Приамурского военного округа Начальнику Главного Штаба № 1529 от 28 ноября 1898 г.: 1) Положение о 8-часовой мобилизации. 2) План сосредоточения Никольских войск к станции Надеждинской. 3) Расчет движений Новокиевского отряда. 4) Схема расположения отряда, прикрывающего движение Новокиевского отряда. 5) Таблицы готовности и сосредоточения войсковых частей к станции Надеждинской. 6) Таблица готовности береговых батарей крепости Владивосток // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399.
23. Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III / сост. генерал-майор Овсяный. СПб. : Военная типография, 1910. 300 с.
24. Дацышен В.Г. Война в Приамурье. Из истории кампании русской армии и флота в Китае в 1900–1902 гг. // Военные события в Приамурье 1900–1902. Сер. Приамурье. Из века в век. Благовещенск : Амурская ярмарка, 2008. С. 160–280.
25. Гродеков Н.И. «Записка о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года». 2 июня 1899 г. Доложена Николаю II 10 августа 1899 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
26. Путята Д.В. По вопросам изложенным в записке генерал-лейтенанта Гродекова о боевой готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года. 5 августа 1899 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
27. Никольский Е.А. Записки о прошлом / сост. и подгот. текста Д.Г. Браунса. М. : Русский путь, 2007. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 апреля 2018 г.

THE PROBLEM OF THE MILITARY DEFENSE PLANNING OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 1896–1900. PART 1. AFTER THE SINO-JAPANESE WAR OF 1894–1895

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 94–107.

DOI: 10.17223/15617793/434/12

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS; Research Library of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Pri-Amur Military District; Sino-Japanese War of 1894–1895; China Campaign of 1900–1901; Vladivostok Fortress; Nikolay I. Grodekov; Aleksey N. Kuropatkin; mobilization readiness.

Using the unknown sources from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Historical Archive and the Collection of Manuscripts of the Russian State Library, this article examines the history of creating the military defense plans of the Russian Far East in 1896–1900 and the discussions about this issue. The controversy between the commanders of the Pri-Amur Military District, the chief of the Main Staff of the War Ministry and War Minister Aleksey N. Kuropatkin himself was also investigated. The creation of the new defense plan of the Russian Far East and the plan of force concentration in case of an outbreak of hostilities in this region, as well as the elaboration of a new mobilization schedule were also studied. It was revealed that the commander of the forces of the Pri-Amur Military District, General Nikolay I. Grodekov, reported to the war minister about the Japanese menace back

in 1899, and this information was reported to Russian Emperor Nicholas II. Moreover, it was found that after 1895 the commanders of the Pri-Amur Military District were absolutely sure in the inevitability of the war with the Empire of Japan (probably in alliance with the British Empire), so all war plans and plans of force concentration in this region were created according to this menace. Because of it, in 1900, before the China Campaign of 1900–1901 there were no plans of war only with China in the Russian Empire. The Military District Staff only had an old plan of force concentration in Manchuria against Japan, which had been prepared in the spring of 1895, a few months before the real mobilization of the Pri-Amur Military District. In fact, it was the plan used by the Russian Army in the first period of the China Campaign of 1900–1901. The situation with the regional military planning was also complicated due to permanent changes in benchmark data. First, it was decided to build the Eastern Chinese Railway in Manchuria (in China), which was strategically important to the Russian Army. That raised the question of how to defend it in case of war. The Liaodong Peninsula with Port Arthur was occupied for 25 years, and there was a great problem of how to defend it too without enough troops in the region. A better situation was with the mobilization schedule in the Pri-Amur Military District. The renovated version of this document (Mobilization Schedule of the Pri-Amur Military District No 5) was finished and put in force on April 15, 1900, two months before the real mobilization of this military district by the reason of the Boxer Rising on June 11. Another positive factor of the force combat readiness in the Pri-Amur Military District was the experience of a real mobilization of 1895, and the regular calibration mobilizations of separate troops, forces and military institutions, which took place in the Russian Far East in 1896–1899.

REFERENCES

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 190. Chervinskiy, V.P. *Obzor snosheniy Rossii s Kitayskim i Yaponskim pravitel'stviem, predshestvovavshikh vooruzhennomu stolknoveniyu Rossii s Yaponieyu* [Overview of Russia's relations with the Chinese and Japanese governments that preceded the armed clash between Russia and Japan].
2. Morse, H.B. (1918) *The international relations of the Chinese Empire*. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta: Longmans, Green, and Co.
3. Schimmelpennink van der Oye, D. (2009) *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchesvo privelo Rossiyu k voynye s Yaponiey* [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. TRE*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Paine, S.C.M. (2010) *The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy*. N.Y.: Cambridge University Press.
5. Zolotarev, V.A. (ed.) (1994) *Rossiya i Yaponiya na zare XX stoletiya. Analiticheskie materialy otechestvennoy voennoy orientalistiki* [Russia and Japan at the dawn of the twentieth century. Analytical materials of Russian military oriental studies]. Moscow: Arbizo.
6. Avilov, R.S. (2011) "Dlya okhraneniya grants Yuzhno-Ussuriyskogo kraya sformirovat..." *Istoriya sozdaniya i sluzhby reguljarnoy kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869–1914 gg.)* ["For the protection of the borders of the South Ussuri region, to form . . ." The history of the creation and service of regular cavalry in the Far East of Russia (1869–1914)]. Vladivostok: Dal'nauka.
7. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people]. Pt. I. Vladivostok: Dal'nauka.
8. Datsyshen, V.G. (2001) *Bokserskaya voyna. Voennaya kampaniya russkoy armii i flota v Kitae v 1900–1901 gg.* [A boxing war. The military campaign of the Russian army and navy in China in 1900–1901]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
9. Datsyshen, V.G. (1996) *Russko-kitayskaya voyna. Man'chzhuriya 1900 g.* [The Russian-Chinese war. Manchuria, 1900]. Pt. 1. St. Petersburg: Galeya Print.
10. Datsyshen, V.G. (1999) *Russko-kitayskaya voyna 1900 g.* [The Russian-Chinese war of 1900]. Pt. 2. St. Petersburg: Galeya Print.
11. Lukyanov, I.V. (2008) "Ne otstat' ot derzhav..." *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Not to be left behind by the powers . . ." Russia in the Far East at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Popov, I.M. (2004) *Rossiya i Kitay: 300 let na grani voynы* [Russia and China: 300 years on the brink of war]. Moscow: Izd-vo AST; Ermak.
13. The Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War. (1910) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905. A work of the Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War: in 9]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 193. *Zapiska polkovnika [A.A.] Gulevicha "Sravnenie zatrata sil i sredstv v Varshavskom okruse i na Dal'nem Vostoke" ot 14 marta 1903 g.* [Note from Colonel [A.A.] Gulevich "Comparison of the expenditure of manpower and equipment in the Warsaw District and the Far East" of March 14, 1903].
15. Avilov, R.S. (2017) The Number of Troops in the Priamurskiy and Warsaw Military Districts on the Eve of the Russo-Japanese War: An Experience with Comparative Analysis. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 1. pp. 41–42. (In Russian).
16. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii.* (1901) Poezdka General'nogo Shtaba polkovnika Karneeva i poruchika Mikhaylova po Yuzhnou Koree v 1895–1896 gg. [The trip of the General Staff Colonel Karnev and Lieutenant Mikhailov to South Korea in 1895–1896]. 75. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
17. Baskhanov, M.K. (2005) *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian military Orientalists before 1917. A bibliographic dictionary]. Moscow: Vost. lit.
18. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii.* (1896). 69. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
19. Russian State Library, Manuscript Department. Fund 68. No. 280. M. 6781. *Otchet o rekognosirovke kratchayshikh putey soedinyayushchikh Port-Artur s Priamurskim voennym okrugom. Sostavil General'nogo Shtaba Podpolkovnik Oranovskyi. 1898/9 god.* Khabarovsk. 976 s. [Report on the reconnaissance of the shortest routes connecting Port Arthur with the Pri-Amur Military District. Compiled by General Staff Lt. Col. Oranovsky in 1898/9 Khabarovsk. 976 p.].
20. Ministry of Foreign Affairs of Russia. (1906) Konvensiya, zaklyuchennaya mezhdu Rossieyu i Kitaem 15 (27) marta 1898 g. [Convention concluded between Russia and China on March 15 (27), 1898]. In: *Sbornik dogovorov i diplomaticeskikh dokumentov po delam Dal'nego Vostoka 1895–1905 gg.* [Collection of treaties and diplomatic documents on the affairs of the Far East in 1895–1905]. St. Petersburg: Tip. A.M. Mendelevich.
21. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Otnoshenie Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voenno-go okruga Nachal'niku Glavnogo Shtaba № 1529 ot 28 noyabrya 1898 g.* [Report of the Commander of the Pri-Amur Military District to the Chief of the General Staff No. 1529 of November 28, 1898].
22. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Prilozheniya k otnosheniyu Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voenno-go okruga Nachal'niku Glavnogo Shtaba № 1529 ot 28 noyabrya 1898 g.:* 1) *Polozhenie o 8-chasovoy mobilizatsii. 2) Plan sosredotocheniya Nikol'skikh voysk k stantsii Nadezhdinskoy. 3) Raschet dvizheniya Novokievskego otryada. 4) Skhema raspolozheniya otryada, prikryvayushchego dvizhenie Novokievskego otryada. 5) Tablitsy gotovnosti i sosredotocheniya voyskovykh chastej k stantsii Nadezhdinskoy. 6) Tablitsa gotovnosti beregovykh batrey kreposti Vladivostok* [Appendices to the report of the Commander of the Pri-Amur Military District to the Chief of the General Staff No. 1529 of November 28, 1898: 1) Regulation on the eight-hour mobilization. 2) The plan of concentration of Nikolsky troops at the Nadezhdinskaya station. 3) The calculation of the movements of the Novokievske detachment. 4) The location scheme of the detachment covering the movement of the Novokievske detachment. 5) Tables of readiness and concentration of military units at the Nadezhdin-skaya station. 6) The table of readiness of coastal troops of the fortress of Vladivostok].

23. Major General Ovsyanyy. (1910) *Voennye deystviya v Kitae. 1900–1901 gg.* [Military action in China. 1900–1901]. Pt. III. St. Petersburg: Voen-naya tipografiya.
24. Datsyshen, V.G. (2008) *Vojna v Priamur'e. Iz istorii kampanii russkoy armii i flota v Kitae v 1900–1902 gg.* [The war in the Amur region. From the history of the campaign of the Russian army and navy in China in 1900-1902]. In: Abelentsev, V.N. et al. *Voennye sobytiya v Priamur'e 1900–1902. Ser. Priamur'e. Iz veka v vek*” [Military events in the Amur region, 1900–1902. Series: Pri-Amur Region. From century to century]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka.
25. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Grodekov, N.I. (1899) “*Zapiska o voennoy gotovnosti Priamur-skogo voennogo okruga v polovine 1899 goda*”. 2 iyunya 1899 g. Dolozhena Nikolayu II 10 avgusta 1899 g. [“A note on the military readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899”. June 2, 1899. Reported to Nicholas II on August 10, 1899].
26. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Putyata, D.V. (1899) *Po voprosam izlozhennyim v zapiske general-leytenanta Grodekova o boevoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda* [On the issues outlined in the note by Lieutenant-General Grodekov about the combat readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899]. 5 August 1899.
27. Nikol'skiy, E.A. (2007) *Zapiski o proshlom* [Notes on the past]. Moscow: Russkiy put'.

Received: 12 April 2018